

Под рукой Цинь Чжуньюаня худое тело Линь Сюня снова начало дрожать. Насмотревшись на его трусость, Цинь Чжуньюань потерял интерес и, похлопав мальчика по голове, сказал:

— Вот и хорошо. Иди, следуй за управляющим, он объяснит тебе, что делать.

Линь Сюнь, сгорбившись, покорно последовал за ожидающим управляющим, чтобы приступить к работе.

Цинь Чжуньюань, решив продолжить «воспитание» Линь Сюня, оставил в нём частицу своей магической энергии, чтобы следить за ним. Вскоре он увидел, как Линь Сюнь, следуя за управляющим, был отправлен поливать цветы.

Несмотря на явное недовольство, он притворился послушным и отправился в сад. Однако уже через короткое время, под палящим полуденным солнцем, он не выдержал, и его «господские» привычки взяли верх. Он разбил лейку, топал ногами и превратил сад в хаос.

Цинь Чжуньюань, едва сдерживая гнев, уже собирался выйти и придушить этого мальчишку, но профессиональный управляющий с помощниками быстро привели сад в порядок и дали Линь Сюню новое задание — заниматься составлением букетов.

Управляющий и слуги относились к Линь Сюню с почтительностью, ведь он был младшим господином в доме. Хотя отношения между ним и Цинь Чжуньюанем были напряжёнными, никто не осмеливался перечить Линь Сюню, стараясь угодить и ему, и его отцу.

Линь Сюнь, почувствовав, что к нему относятся с уважением, сразу воспрял духом. Он разбил вазу, пнул управляющего и слуг, а затем, когда его отправили на кухню пробовать блюда, плюнул в еду. Даже самый терпеливый управляющий не выдержал.

В итоге Линь Сюня бросили в свинарник кормить свиней, закрыв за ним дверь, чтобы он не мог устроить беспорядок.

Закончив, управляющий с тревогой доложил Цинь Чжуньюаню, опасаясь наказания за свою выходку. Однако Цинь Чжуньюань одобрительно сказал:

— Хорошо сделал. Твоя зарплата удваивается.

[Что за странные отношения у этих двоих?] — подумал управляющий, но, уловив настроение господина, дал указания слугам больше не церемониться с Линь Сюнем. Тот, не накормив свиней, получил скудный паёк — бутылку магического зелья и кусок хлеба.

Линь Сюнь, охваченный яростью, готов был убить, но, вспомнив, как чуть не умер от голода, понял, что, если разозлит Цинь Чжуньюаня, его могут снова оставить без еды. Плача, он проглотил горькое зелье и съел хлеб.

Днём, не в силах смириться с положением, Линь Сюнь вступил в драку со свиньями, но был сбит с ног и затоптан. Осознав своё бессилие, он снова зарыдал, но затем покорно начал кормить животных.

Когда Линь Сюнь наконец успокоился, Цинь Чжунъюань почувствовал облегчение. Вечером, когда мальчик, грязный и измученный, вернулся спать, Цинь Чжунъюань даже похвалил его.

Линь Сюнь, хотя и кипел от злости, после нескольких дней с Цинь Чжунъюанем уже не осмеливался перечить. С красными глазами и слезами он помылся и, чувствуя дискомфорт на теле, обнаружил, что места, где его топтали свиньи, были содраны.

Голый и босой, он ворвался в спальню Цинь Чжунъюаня и, прежде чем тот успел среагировать, залез под одеяло, схватил его руку и приложил к своим ранам.

Цинь Чжунъюань, читавший книгу, замер. Его рука оказалась на холодной, но нежной коже, причём в весьма щекотливом месте. Линь Сюнь, всхлипывая, сказал:

— Пощупай, тут содрано! Мерзавец, я убью этих свиней! Ууу, как больно, помажь мне!

Цинь Чжунъюань, глядя на свою руку, лежащую на поясице и ягодицах мальчика, заметил несколько явных следов, синяков и содранной кожи, которые на его худом теле выглядели особенно заметно.

— Этот маленький мерзавец! — не выдержав, Цинь Чжунъюань отвесил ему шлепок. — Убирайся отсюда, эти царапины сами заживут.

Его ладонь опустилась на единственное пухлое место у Линь Сюня, звук был громким, а ощущение очень отчётливым. Цинь Чжунъюань, чувствуя неловкость, прикрыл лицо книгой.

Линь Сюнь вскочил, одной рукой прикрывая шлёпнутое место, а другой трясущимся пальцем указывая на Цинь Чжунъюаня:

— Мерзавец, ты ударил меня! Я целый день работал, а ты ещё и бьёшь меня! Укушу тебя!

Хотя он не мог сравниться с Цинь Чжунъюанем в силе, Линь Сюнь, словно обозлённый дракон, бросился на него, пытаясь укусить его руку своими маленькими зубами.

Но, укусив, он тут же закричал от боли, закрывая рот, из которого хлынула кровь — он сломал два зуба.

Цинь Чжунъюань, вздохнув, продолжил читать. Его магическая защита сработала автоматически, а Линь Сюнь, как раз в возрасте смены зубов, укусил слишком сильно, решив, что хочет оторвать кусок плоти от Цинь Чжунъюаня, но лишь навредил себе.

Цинь Чжунъюань, накрывшись одеялом, продолжил читать, игнорируя плач мальчика. Его способность полностью сосредотачиваться на чём-то была развита в годы борьбы с демонами и тёмными магами, и он быстро отключился от внешних раздражителей.

Через некоторое время, закончив книгу, он заметил, что что-то не так.

Линь Сюнь, проплакав до изнеможения, заснул, свернувшись на его груди, с пальцем во рту и окровавленным лицом. Он крепко держался за пижаму Цинь Чжунъюаня, выглядев почти как невинный ребёнок.

— Мерзавец, убью тебя! — пробормотал Линь Сюнь во сне.

Невинность была лишь видимостью.

Цинь Чжунъюань безжалостно поднял его и отвесил несколько шлепков, разбудив мальчика громким плачем.

— Убирайся в свою комнату, иначе ночуешь в свинарнике, — сказал Цинь Чжунъюань, бросив его на пол.

Линь Сюнь, прикрывая шлёпнутое место, злобно посмотрел на Цинь Чжунъюаня, затем плюнул ему в лицо и убежал.

Цинь Чжунъюань, раздражённый, послал вслед мальчику магический ветер, который, хотя и не попал точно, оставил на его ягодицах рану, которая будет болеть несколько дней. Закрыв дверь, он лёг спать.

Линь Сюнь, плача, шёл к своей комнате. Цинь Чжунъюань, слыша его непрекращающийся плач, с досадой потер виски и, наконец, вызвал его обратно, бросив ему бутылку с зельем:

— Намажь, рана скоро перестанет болеть.

Линь Сюнь, всё ещё плача, смотрел на него большими глазами, из которых лились слёзы:

— Не могу... ик... сам не дотянусь... ууу... ааа!

Ребёнок, плача до икоты, смотрел на Цинь Чжунъюаня с мольбой. Тот, помолчав, наконец взял зелье и начал мазать рану. Линь Сюнь, успокоившись, улыбнулся:

— Ты хороший!

Цинь Чжунъюань лишь усмехнулся.

На следующий день, когда рана на боку зажила, но шрам на ягодицах ещё болел, Линь Сюнь устроил истерику, отказываясь идти на работу. Управляющий, к удивлению, позволил ему отдохнуть. Цинь Чжунъюань, ушедший рано утром по делам, даже не узнал, что Линь Сюнь провёл день в бездельи.

<http://bllate.org/book/15112/1334844>